

преобладало в облике гостя — служба или предпринимательство, купец или чиновник, следует иметь в виду, что эти понятия не однозначны. У А. С. Кириллова были собственные представления об интересах казны, отличные от мнения высокого начальства. Он не был ни послушным чиновником, ни знатоком канцелярии. Такому человеку было трудно ужиться в системе самодержавной власти.

Положение гостя ставило его обладателя на грань между предпринимательством и государственной службой. Он не был своим ни для посадских людей, ни для начальства. Пожалование гостя в думные дьяки лишь усугубляло это положение. Оба таких думных дьяка — Назарий Чистой и Аверкий Кириллов погибли от рук восставших горожан. В челобитной 1682 г. восставшие стрельцы и московские посадские люди обвинили мертвого А. С. Кириллова в том, что он «великия взятки имал и налогу всякую и неправду чинил»¹⁵, — обвинение сильно преувеличенное, если не ложное. На самом деле трудно было сыскать другого такого неподкупного приказного.

Примечания

¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI—первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 140.

² Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 538—539; Кн. 3. СПб., 1904. Стб. 1553, 1561, 1563; *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 128

³ *Зерцалов А. О.* Мятехах в городе Москве и селе Коломенском 1648, 1662, 1771 гг. М., 1890. С. 262

⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 525. Л. 159—160.

⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. № 154. Л. 2.

⁶ Подробнее см.: *Седов П. В.* Борьба крупных монастырей против отмены тарханов в 1670-х гг. // *Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря: К 600-летию основания.* СПб., 1998. С. 34—49.

⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2716. Л. 60, 72, 79.

⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 15об.—16; Ф. 236. Оп. 1. № 42. Л. 62об.

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. № 81. Л. 3; ср.: Там же. Оп. 2. № 364. Л. 26об.

¹⁰ *Успенский А. И.* Церковь св. Николая чудотворца на Берсеневке. М., 1906. С. 19.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 254. Л. 76, 77.

¹² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 28. № 26. Л. 3.

¹³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 138—139.

¹⁴ *Флоря Б. Н.* [Рец.]: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие кор-

порации России XVI—первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998 // *Отечественная история.* 2001. № 2. С. 181.

¹⁵ *Восстание в Москве 1682 года: Сб. док. М., 1976. С. 37.*

М. С. Черкасова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОГОДСКОГО ГОСТЯ Г. М. ФЕТИЕВА

Имя видного вологодского купца Гаврилы Мартыновича Фетиева (?—декабрь 1683 г.) стало широко известным в научной литературе после статьи Е. И. Заозерской¹. Исследовательница использовала в основном духовное завещание купца от 27 ноября — 22 декабря 1683 г., опубликованное И. Н. Суворовым в 1873 г. в «Вологодских епархиальных ведомостях», а также таможенные книги, в которых с 1659 по 1684 г. имя Фетиева упоминается 7 раз. Как «памятник былой культуры» анализировал это завещание вологодский краевед В. Н. Трапезников². Таким же памятником можно признать и обладающий несомненными художественными достоинствами портрет (по мнению вологодского искусствоведа М. Е. Дайен, — это парсуна) Г. М. Фетиева, неоднократно репродуцированный в разных изданиях. Сравнительно недавно Л. А. Тимошина в обстоятельной статье о расселении гостей в русских городах выявила сведения и о расположении дворов Фетиевых (Мартына и Гаврилы) по дозорным, писцовым и переписным книгам Вологды 1616/17, 1627/28, 1646 и 1678 гг.³ До сих пор оставались неиспользованными сведения о Фетиеве, которые можно почерпнуть из Коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области (ГАВолО. Фонд 1260). В составе этого необъятного фонда фрагментарно сохранилась документация Вологодских земской и таможенной изб, а также архив Владимирской градской церкви, в который в конце XVII в. были переданы семейные документы Фетиева. На их основе, а также с привлечением приходо-расходных и переписных книг Спасо-Прилуцкого монастыря и Вологодского архиерейского дома можно расширить круг известий о биографии, чертах личности и торгово-предпринимательской деятельности Г. М. Фетиева. Введению их в научный оборот и посвящена данная заметка. Выявленная нами информация отражает отношения Фетиева с местным посадским ми-

ром, Спасо-Прилуцким монастырем, деловые контакты с торговыми иноземцами, казенные службы влиятельного и богатого гостя. Предварительно отметим, что этот крупнейший вологодский купец до конца жизни оставался неграмотным, поэтому никаких его автографов на сохранившихся документах нет. В последние годы жизни (1676—1683 гг.) приложение гостевой печати служило способом удостоверения оформляемых им документов. В большинстве же случаев находились люди (прежде всего из числа приказчиков Фетиева), которые расписывались за него.

Ряд биографических сведений о Фетиеве был предпослан Суворовым к изданному им завещанию купца. Если в переписной книге 1646 г. Гаврило Фетиев с братьями, как выяснила Л. А. Тимошина, фигурирует во дворе своего отца, то к 1652 г. относится, по-видимому, наиболее раннее известие о деятельности Фетиева в качестве взрослого человека. Оно содержится в храмозданной грамоте вологодского архиепископа Маркелла на построение новой деревянной церкви Владимирской богородицы в Вологде, в которой были похоронены родители Фетиева. 18 октября 1654 г. он упомянут в общественном приговоре всех воложан на построение Спасо-Обыденного храма во избавление от свирепствовавшей тогда чумы. Среди документов Спасо-Прилуцкого монастыря удалось выявить наиболее раннюю его деловую бумагу — отписку в качестве вологодского таможенного головы о взятии с 25455 пудов монастырской соли (общей стоимостью 6120 руб.) пошлин в сумме 612 руб. (1660/61 г.). Подлинная отписка была скреплена таможенной печатью (изображение неразлично) и подписана ларешным целовальником Иваном Рычковым⁴. 7 мая 1665 г. Фетиев назван «воложанином посадским человеком» в отписке, данной голландским купцом Вл. Ивановым ему и Самсону Лукьянову сыну Белоусову в получении от них по кабале 320 руб.⁵

В 1660-е годы Фетиев входил в состав верхушки вологодских купцов, о чем может свидетельствовать упоминание его в Новоторговом уставе 1667 г. Там вместо него расписался вологодский мирской стряпчий Д. Масленников⁶. В 1670 г. Фетиев вновь служит таможенным головой. И. Н. Суворовым была опубликована явочная челобитная посадского человека «сироты» И. О. Головова вологодскому архиепископу Симону с жалобой на Фетиева, который силой требовал с него торгов прошлого 177 году «и с палкою по таможе ходил и заставил меня, сироту, руку приложить неведомо к какой записке»⁷. Помимо посадских людей, от притеснений Фетиева страдали вологодские помещики и крестьяне. Сохранилась их коллективная челобитная от 30 марта 1671 г. в которой говорилось, что тот «многих нашу братью сло-

вом бесчестит и материю лает и бьет и бороды дерет». В условиях хлебного недорода 1669—1671 гг. помещики и крестьяне Вологодского уезда особенно болезненно восприняли произвольное таможенное обложение Фетиевым «посылочного и заемного хлеба», который они пытались доставить из других городов и уездов. Таможенный голова не останавливался даже перед отнятием кафтанов и шапок, служилой рухляди с тех, кто не мог заплатить пошлин. Помещики страдали также от того, что с их торговых «людишек и крестьянишек» Фетиев по торжкам пошлины берет «не против великого государя указу»⁸.

В ходе деловых контактов Фетиева с торговыми иноземцами наиболее крупная сделка была совершена им с Т. А. Келдерманом, у которого 18 апреля 1670 г. Фетиев купил соляную варницу на Тотье за 300 руб. (прежде она принадлежала дьяку Ив. Харламову). Эту самую варницу Фетиев, ставший гостем (по данным Н. Б. Голиковой — в 1674 г.), перепродал в декабре 1675 г. Спасо-Прилуцкому монастырю, но уже за 1257 руб. 16 алт. 4 д. серебром⁹. Т. А. Келдерман был единственным московским торговым иноземцем, дважды упомянутым в его завещании гостя: во-первых, на нем оставался долг Фетиеву в 755 руб., а во-вторых, ему был завещан «стакан серебряный с покрывшкой, большой, золочен кругом». Случались у Фетиева кредитные сделки и с другими иностранными купцами, в которых он оказывался должником. С 1674 по 1684 г. продолжалось дело по выплате им 800 руб. семейству Винуса-младшего и Владимира Иванова (женой последнего была сестра Андрея Винуса Мария), которое разбиралось в Посольском приказе. Фетиев в 1674 г. смог заплатить Винусу только 300 руб., а в счет оставшейся суммы вынужден был купить у него 40 ведер вина. Лишь незадолго до смерти, будучи в Архангельске, 24 ноября 1683 г. Фетиеву удалось получить платежную отписку от Марии Винус о прекращении всех расчетов¹⁰. В переписной книге 1711/12 г. упоминается, что в 1678/79 г. гость Фетиев отдал по кабале свой двор голландцу А. В. де Юнгу с братьями. По-видимому, именно на этом дворе останавливался известный голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин, проезжавший Вологду в 1701 г.

Из приходо-расходных книг Спасо-Прилуцкого монастыря 1670—начала 1680-х гг. видим в основном кабальный для обители характер экономических связей Фетиева с этой обителью, вынужденные займы старцев у состоятельного купца. Следы красной печати сохранились на письме Фетиева около 1678 г. спасскому архимандриту Павлу, в котором он предлагал старцам расплатиться с ним по долгам монастырской солью, добавляя в конце «<...> И ты как изволишь, денги ли заплатити или соли за те денги отвесить. С той же солью вместе учини мне ведо-

мость завтра, потому что извозчики у меня наняты. По сем благословения прося, челом бью». В другой челобитной Фетиева, около 1678 г., наблюдаем тот же стиль делового человека: «Святый архимандрит Исая, пришли денег за вино на кабак <...>»¹¹. По-видимому, не вполне добровольно приходилось прилуцким старцам предоставлять свои амбары и другие складские помещения в Вологде под товары Фетиева (соль, вино, рожь, бревна, кирпич, железо). В расходной книге прилуцкого казначея Ильи Третниковского 1682/83 г. отмечены два момента: 1) возврат Фетиеву монастырского долга 150 руб. и 2) необходимость вернуть ему еще 520 руб.¹² Известно и об изъятиях Фетиевым книг из Спасо-Прилуцкой библиотеки, хотя он и был неграмотным. О культурных запросах гостя одновременно с неуважительным отношением к мастерам свидетельствует и черновик недатированной челобитной к нему двух иконников Ермолки и Якушки Сергеевых. Они униженно просили его выдать им денег «за работешко наше»¹³.

С начала 60-х гг. известны сделки Фетиева с недвижимостью на посаде (различные операции — покупки, обмены, заклады, дарения лавок, дворов, дворовых и огородных мест). В 1663/64 г. им была куплена лавка (у кого, не указано), упомянутая в переписной книге Вологды 1685 г. как принадлежащая Владимирской церкви. В 1669/70 г. Г. М. Фетиев поступил одним своим двором в пользу Масленской Арсеньевой пустыни, о чем упоминается в позднейшей переписной книге Вологды 1711/12 г., находящейся в ГАВол¹⁴. Фетиев иногда участвовал в коллективных закладных операциях по предоставлению денег в долг. В 1675/76 г. он вместе с соловецким старцем «вологодские службы» Марком и выборными людьми дал вологжанину «Спаского сороку» К. Д. Реброву 36 руб. 19 алт., за что тот заложил свою лавку в Соляном ряду. В том же году эта лавка была отдана Фетиевым и старцем Марком по поступной за 15 руб. старосте Владимирской церкви и всем прихожанам «владеть вечно на всякую церковную утварь»¹⁵. Закабаление горожан позволило Фетиеву к концу 1670-х гг. завладеть десятками дворов в разных частях города. Наблюдение Л. А. Тимошиной об образовании своего рода слободки под эгидой Фетиева нуждается, по-видимому, в дальнейшей аргументации. В переписной книге 1678 г. принадлежащие Фетиеву дворы названы и в переулке Мостовой улицы, и в Новинках, и в Обуховой ул., и в ул. Гасилке, и в Ехаловых Кузнецах, и в Коровине ул., и в Дюдиковой пустыни, и около Владимирской церкви, прихожанином и вкладчиком (если не сказать ктитором) которой гость являлся. Еще более широко топографию бывших дворов и других объектов недвижимости Фетиева очерчивает переписная книга Вологды 1711/12 г. Принадлежали эти

объекты преимущественно Владимирской церкви на основании завещания гостя, что само по себе свидетельствует об его исполнении. В итогах переписной книги 1678 г. по сказке земского старосты В. Кодовина и ларешного целовальника В. Парамонова отмечено, что Фетиеву принадлежало 28 дворов посадских людей и бобылей, которые «охудали и одолжали»¹⁶.

Широкий размах ростовщической деятельности Фетиева обусловил ведение его приказчиком Дм. Березиным специальных приходо-расходных книг и записей кабал, упомянутых в завещании гостя. В приобретенных таким образом посадских и бобыльских дворах и лавках Фетиев нередко поселял зависимых от себя дворников, лавочных сидельцев и крестьян, пришедших в Вологду из других уездов. Среди документов Вологодской земской избы 1682—1683 гг. встречается несколько платежных отписок земских старост (М. Манойлова, В. Лукина), данных лавочным сидельцам Фетиева. Этими отписками фиксировались взносы сидельцев в «земской мирской ларец полавошных оброшных». Произвол, царивший в отношениях Фетиева с посадским миром, отражен в явочной челобитной таможенного подьячего М. Маталыгина, женатого (с 1659/60 г.) на сестре Фетиева Евфимии. В 1678 г., когда Маталыгин находился в Москве «для государева дела», гость силой взял с сестру с мужнина двора «и мочью своею держал у себя по смерть свою, забыв страх божий, меня с нею разлучил». Лишь после кончины Фетиева Маталыгин решился обратиться к патриарху московскому Иоакиму и вологодскому владыке Гавриилу за помощью в деле возвращения в его дом собственной жены¹⁷.

В 1681 г. Фетиев собирает оброчные деньги в Конюшенный приказ с городских вологодских монастырей. Сохранилась его платежная отпись игуменье Горнего Успенского монастыря Екатерине от 8 марта 1681 г. на оброчные конюшенные пожни в сумме 29 алт. 6 д.¹⁸ По-видимому, не все оброчные платежи Фетиев исправно вносил в Конюшенный приказ. При рассмотрении его завещания патриархом Иоакимом 27 ноября 1685 г. обнаружилась недоплата 338 руб. в это учреждение. П. А. Колесниковым был опубликован интересный документ (к сожалению, без архивной ссылки) 1681 г., содержащий жалобу сухонских носников (городов Тотьмы и Великого Устюга) на то, что Фетиев силой заставляет их на себя работать, «бьет, мучит и увечит напрасно <...> и их дома разорял и грабил, и в домах он, Гаврило, и люди его из ружья стреляли и надругались над ними <...>»¹⁹. Горестные признания нижнесухонских носников добавляют красноречивый штрих к облику Фетиева, характеризуют его деятельность не только в Вологде, но и на широком пространстве Сухоно-Двинского торгового пути.

Из посмертных бумаг Фетиева несомненный интерес представляют розыскные дела об его землевладении февраля—марта 1685 г., проведенные по распоряжению патриарха Иоакима. Проблема гостевого землевладения и землепользования рассматривается в работах В. А. Варенцова и Н. Б. Голиковой²⁰, сведения же о вотчинах гостя Фетиева не привлекли внимания названных авторов. Земельные приобретения он начал делать в последние годы жизни, накопив уже значительные денежные средства и имея право на покупку вотчин как гость. По духовной гостя его зять, дьяк Л. Б. Протопопов, дочь Акилина и внуки получали села Косково, Погоредое, Пятино, Сушкино, Романово «с крестьяны и с крестьянскими женами и животами и со скотом и с санными покосы и со всеми угодьи и с хлебом стоячим и с молоченым», а другому зятю, Я. М. Манойлову, завещалась Дюдиковая пустынь с 6 семьями холопов, «со всем дворовым строением и пахотными землями»²¹. По-видимому, именно с Дюдиковой пустыни и начались земельные стяжания Фетиева. Около 1675 г., уже будучи гостем, он купил земельный участок под скотный двор у посадских людей сороку церкви Рождества Иоанна Предтечи. У посадских же людей этого сороку Ф. Шемякина и Я. Собенкина он купил дворы. Одним из путей роста землевладения Фетиева было предоставление денег в долг светским феодалам. Так, в духовной упоминается его закладная кабала на стольнике И. Ф. Голенищеве-Кутузове в 140 руб., по которой были получены половины деревень Нефедково и Демьянки в Перебатинской волости Вологодского уезда. Известны покупки земли Фетиевым у окольного И. А. Мусина-Пушкина, гостя Ст. Горбова. В других частях уезда (волости Сяма, Тошна, Маслена, Комела, Кубена, Лоскомская, Пуркаловское околородье) Фетиев приобрел по обменам, закладам и на правах аренды мелкие жеребья множества деревень. Покупая пустоши, он заселял их крестьянами, но комплексного владельческого хозяйства создать ему не удалось.

Примечания

¹ *Заозерская Е. И.* Вологодский гость Г. М. Фетиев: (Из быта торговых людей XVII в.) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1928. Т. 1. С. 195—212.

² *Трапезников В. Н.* Расцвет Вологды и завещание вологодского гостя Фетиева как памятник былой культуры // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1917. Вып. 4. С. 56—61.

³ *Тимошина Л. А.* Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной

России: К юбилею проф. рус. истории Н. Б. Голиковой. М., 1994. С. 131—133.

⁴ ГАВолО. Ф. 1260. № 992.

⁵ Там же. № 5170. Л. 4. Отписка находится в составе дела вологодского архиепископа 1692 г., не имея с ним никакой логической связи. Отписка имеет рукоприкладство Вл. Иванова.

⁶ Российское законодательство X—XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 136.

⁷ Русская старина. 1870. Т. 135. С. 210 (подлинник: ГАВолО. Ф. 1260. № 1915).

⁸ ГАВолО. Ф. 1260. № 2034. На обороте 18 подписей помещиков.

⁹ Там же. № 1357. Сставы 4—5 (на подлиннике купчей подпись по-русски Т. Келдемана); сставы 1—3 (за Фетиева расписался Митка Фомин, известный в будущем Дмитрий Фомин сын Березин, вологодский земский бурмистр в начале XVIII в.). К 1675 г. бывший компаньон и сродник Фетиева Самсон Белоусов был уже старцем Сергием, казначеем Спасо-Прилуцкого монастыря. Еще в январе 1675 г. Фетиев назвался посадским человеком (ГАВолО. Ф. 1260. № 1359 — незаконченная договорная запись между ним и властями Спасо-Прилуцкого монастыря на оброчное пользование в течение 10 лет частью соляной монастырской трубы на Тотъме).

¹⁰ ГАВолО. Ф. 1260. № 240. Оpubл. Н. Суворовым в «Вологодских губернских ведомостях» (1861. Ч. неофиц. № 20. С. 144—145). Платежная отпись Марии Виниус Фетиеву 28 ноября 1683 г. (у Суворова дата неверна — 1684 г.) была собственноручно ею подписана («Maria Winius»).

¹¹ ГАВолО. Ф. 1260. № 1413, 1433.

¹² Там же. № 1719; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ф. 1. Оп. 2. Кн. 20. Л. 82об., 243.

¹³ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Кат.-путеводитель. Вологда, 1998. Ч. 4. Вып. 3. С. 154; ГАВолО. Ф. 1260. № 1658 (по упоминанию Фетиева гостем этот черновой документ можно датировать временем после 1676 г.).

¹⁴ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Вологда. Кн. За. Л. 62, 66об., 78об., 105; ГАВолО. Ф. 654. Кн. 37. Л. 76.

¹⁵ Там же. № 1. Л. 1—2 (из документов Владимирской церкви). Вместо Фетиева на поступной расписался его человек Митка Фомин (Дмитрий Березин).

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 14741. Л. 24об., 57об., 82, 99об., 134об., 140, 140об., 144, 146об., 147, 202, 294об., 301об.—302.

¹⁷ ГАВолО. Ф. 1260. № 2; № 4106.

¹⁸ Там же. № 127. Подлинник без подписи с остатками небольшой черновосковской печати гостя. Оpubл.: *Колычев А. А.* Сборник актов Северного края XVI—XVII в. Вологда, 1925. С. 261—262. № 305.

¹⁹ *Колесников П. А.* Из истории крестьянства и ремесленников Европейского Севера в XVI—XVII вв. // Уч. зап. кафедры истории Вологодского государственного педагогического института. 1967. Т. 35. С. 20—21.

²⁰ *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода в XVI—

XVII вв. Вологда, 1989. С. 25—35; Голикова Н. Б. Формы землевладения и землепользования гостей и гостиной сотни в конце XVI—начале XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. С. 25—56.

²¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1873. С. 97—98, 105; ГАВолО. Ф. 1260. № 297, 298, 3729 (с красной патриаршей печатью).

Н. П. Чеснокова

ВЫВОЗ РУССКИХ ИКОН НА ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК в XVII в.*

Икона как объект экономических отношений в сфере обращения обладает значительно большей спецификой, чем любой другой предмет. Не случайно документы XVII в., касающиеся внутренней и внешней торговли, включая таможенные книги, упоминают иконы крайне редко. Для человека той эпохи они являлись, прежде всего, предметами культа и религиозного поклонения. Однако уже современники понимали и их художественную ценность, воплощенную в мастерстве иконописца, или, как говорили сами художники, «иконном воображении». Работа изографа, а также материалы, требовавшиеся для изготовления образа, золото и серебро, необходимые для его украшения, имели и рыночную стоимость. В историографии, насколько нам известно, данная проблема не ставилась. Иконы исключались из контекста экономических отношений, хотя другие предметы церковного обихода, например ладан, серебряные и золоченные оклады, кресты и т. д., в литературе упоминаются.

В XVII в. русская икона получает довольно широкое распространение на христианском Востоке, прежде всего в регионах бывшей Византийской империи, входивших в состав Османской Порты. Свидетельства современников и мало исследованные архивные материалы (главным образом из собрания РГАДА) позволяют говорить о значительных размерах вывоза из России предметов религиозного искусства, в первую очередь икон. Чаще всего они не являлись объектом купли-продажи, а способ их экспорта носил своеобразный характер.

Прежде всего речь идет о тех иконах, которыми благословляли паломников, в том числе и иностранных, в русских монастырях. На-

пример, при посещении Троице-Сергиева монастыря в 50-х гг. XVII в. антиохийский патриарх Макарий получил в дар образ Христа в серебряном позолоченном окладе с венцом из драгоценных камней и жемчуга и икону Троицы (Сергиево видение) также в окладе. Не остались без подношений и спутники патриарха: архимандриту Моисею была дана икона Богородицы в позолоченном окладе, алеппскому архидиакону Павлу — образ Спаса в серебряном позолоченном окладе, другому диакону, келарю и родственникам Макария были подарены иконы в окладах, а переводчикам и слугам — без окладов.

С ценными образами посланники антиохийской патриархии покидали новгородский и ростовский кафедральные соборы, Вяжицкий Николаевский монастырь, новгородские Хутынский Спасо-Преображенский и Антониев монастыри и многие другие русские обители, которые они посетили. Кроме этих подарков сирийское духовенство получило многочисленные подношения от московского патриарха, а также от частных лиц. Наконец, при отъезде по челобитной патриарха Макария царь Алексей Михайлович приказал выдать ему из кремлевских хранилищ тридцать икон в позолоченных окладах.

Даже не полный перечень икон, полученных в дар только посольством Макария антиохийского в середине XVII в., дает представление о количестве произведений религиозной живописи, попавшей в это время на Левант. Точной цифры у нас пока нет. Скорее всего, она не сопоставима с объемами работ, выполнявшихся, например, в мастерских Крита. Там отдельные заказы составляли несколько сот образов, и их изготовление носило до некоторой степени коммерческий характер. Отдаленность от греческого мира, многочисленные границы и таможи, наконец, опасности военного времени не позволяли сложиться значительному экспорту русских икон. Однако для иностранцев приобрести иконы в России было выгодно материально и весьма престижно политически.

Восточным патриархам иконы посылались либо по инициативе царя, либо по их собственной просьбе. Так, в 1644 г. иерусалимский патриарх Феофан получил десять окладных икон общей стоимостью 517 руб.¹ Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис выставил для поклонения в своей резиденции четыре позолоченных местных образа, присланных из Москвы². Произведения русских иконописцев украшали храмы Константинополя и Антиохии, Александрии и Адрианополя, Афона и Патмоса³.

Иконами одаривали православных подданных Османской империи, приезжавших в Москву за милостыней и привозивших с собой священные реликвии. Надо отметить, что перемещение с православно-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 99-06-425.